

рѣ Смита и К-о, никакихъ вашихъ Крысъ, ни Тома я не видѣлъ и не знаю. Умнѣ всего отпустить меня сейчасъ же.

— Не плети чепухи; не проведешь, сказалъ другой насмѣшливый голосъ, и кто то связалъ ему руки и сталъ обыскивать.

Повязка жала глаза, какой-то узелъ давилъ носъ, но, при малѣйшей попыткѣ пошевелиться, онъ чувствовалъ у своего виска холодъ дула и тотъ же хриплый голосъ обѣщалъ размозжить ему голову. Прошло болѣе получаса, пока, наконецъ, машина сбавила ходъ и, прошуршавъ шинами по гравію, остановилась. Игоря высадили изъ кареты и, взявъ подъ руки, повели по какимъ то лѣстницамъ и переходамъ куда то внизъ; затѣмъ остановились, выпустили его руки и приказали стоять смирно и не шевелиться.

— Ну вотъ вамъ, директоръ, и Акула, услышалъ опять онъ знакомый голосъ.

— Молодцы, дѣточки, молодцы. Вотъ мы сейчасъ побесѣдуемъ съ нимъ, а потомъ и расчитаемся. Сымите съ него повязку.

Игорь увидѣлъ, что онъ находится въ какомъ то полутемномъ сыромъ подвалѣ. Сквозь единственное расплсженное высоко окно съ массивной желѣзной рѣшеткой скупно проникалъ свѣтъ. Передъ нимъ стоялъ коренастый толстякъ съ большимъ плотояднымъ ртомъ, съ водянистыми точно выцвѣвшими глазами, выкатившимися впередъ, какъ у жабы, съ крошечнымъ носомъ между двухъ мясистыхъ щекъ. Онъ насмѣшливо смотрѣлъ на плѣнника и довольно улыбался.

— Поймали таки рыбку мои молодцы. А? Чисто сработано господинъ Акула! А? Что же вы молчите. Подождите, вы у насъ заговорите. Мы и не такимъ какъ вы развязывали языкъ.

Игорь былъ не трусъ. Не разъ приходилось ему

смотрѣть въ глаза смерти: бывалъ онъ и подъ ураган-нымъ обстрѣломъ; ставили его къ стѣнкѣ и большеви-ки, но, тамъ была борьба за что-то дорогое, а здѣсь! Пытки и гибель изъ-за какого то глупаго недоразумѣ-нія. Сердце его тоскливо сжалось и холодная дрожь пробѣжала по тѣлу, а въ груди закипалъ гнѣвъ на же-стокихъ насильниковъ.

— Кто вы и что вы отъ меня хотите, негодяи, вспы-лилъ онъ.

— А, такъ ты такъ, зашипѣлъ толстякъ и сталъ приближаться къ своей жертвѣ тихо, точно подкрады-ваясь, готовый каждую минуту броситься на него, что-бы насладиться местию. Глаза его холодные и злые впи-лись въ глаза Игоря, казалось, сама смерть жадно под-крадывалась къ нему. Одинъ только шагъ отдѣлялъ ихъ и вдругъ тотъ какъ бы въ удивленіи остановился, за-тѣмъ отступилъ назадъ, постоялъ еще немного про-тивъ Игоря, пристально вглядываясь въ него, а затѣмъ, презрительно пожавъ плечами, обернулся къ своимъ со-общникамъ:

— Чертъ! Кого вы притащили, простофили? на-смѣшливо спросилъ онъ.

— Какъ кого? Акулу!

— Акулу! Онъ уничтожающе посмотрѣлъ на нихъ.
— Акулу! Смотрите сюда, онъ ткнул пальцемъ въ глаза Игоря и чуть не выкололъ его. — Смотрите на его глаза, вороны, какого они цвѣта, а?

— Глаза... глаза сѣрые.

— Да, у этого болвана сѣрые, а у Акулы — каріе, остолопы! — Ты кто такой, обратился онъ къ Игорю.

— Я уже сто разъ говорилъ вамъ, что я русскій эмигрантъ и служу у Смита и К-о. Не знаю ни васъ, ни полиціи и не понимаю, что вамъ отъ меня нужно.

— Вотъ глупая исторія. Теперь, что мнѣ съ нимъ

дѣлать, продолжалъ толстякъ, тогда какъ другіе сконфуженно переглядывались.

— Какъ что, скорѣе отпустить, вотъ и все, вскричалъ Игорь.

— Хо, хо, хо. Это не такъ просто, молодчикъ. Ты ужъ очень много видѣлъ и слышалъ.

Прикончить просто его и дѣло съ концомъ, мрачно произнесъ одинъ изъ бандитовъ.

— Ничего я не видѣлъ и не слышалъ, ничего не знаю и ничего никому говорить не буду. Зачѣмъ вамъ брать на себя лишнее ненужное убійство. Отпустите меня, ну, хотя бы, за небольшой выкупъ.

На нѣсколько томительныхъ и тяжелыхъ минутъ водворилось молчаніе. Начальникъ что-то обдумывалъ.

— Ну вотъ что, обратился онъ къ Игорю, мы тебя отпустимъ, но не даромъ. — Ты служишь у Смита и К-о, хорошо. Такъ вотъ, когда намъ понадобится, ты долженъ будешь давать намъ разныя справки о состояніи кассы, о самомъ главѣ фирмы, ну, вообще, обо всемъ, что будетъ насъ интересовать. Я не спрашиваю тебя, согласенъ ты или нѣтъ, такъ какъ, если ты будешь болтать или посмѣешь не исполнять нашихъ приказаній, расправа будетъ коротка; однако знай, что мы умѣемъ не только наказывать, но и щедро награждать. Ну а теперь забирайте его и отвезите въ городъ.

— Не перемѣнить ли машину, что-то къ нашей очень приглядываются, кажется ее взяли на примѣту.

— Отдайте ее, когда вернетесь, въ перекраску. Ну забирайте его и проваливайте.

Игорю опять завязали глаза, опять повели по лѣстницамъ и посадили въ автомобиль. Только въѣхавъ въ городъ сняли наконецъ повязку.

— Ну, парень, смотри, не дури; можетъ быть потому мы примемъ тебя къ себѣ, примирительно сказалъ самый молодой изъ бандитовъ.

— Не кажется ли тебѣ, Джекъ, обратился къ нему другой, что эта мотоциклетка слѣдитъ за нами, вотъ уже два квартала, какъ она слѣдуетъ по пятамъ.

— А ты скажи Куку.

Бандитъ нагнулъся къ шофферу и что-то зашепталъ ему. Машина помчалась впередъ, завернула на полномъ ходу въ одну улицу, въ другую, пересѣкла площадь, круто повернулась и понеслась въ обратномъ направленіи. Мотоциклетки не было видно.

— Ловко правитъ Кукъ, одобрилъ Джекъ.

Вдругъ, изъ-за угла неожиданно появился бронированный автомобиль и далъ бандитамъ сигналъ остановиться. Кукъ нажалъ на газъ, машину рвануло, а ей вслѣдъ затрещалъ пулеметъ. Весь верхъ былъ пронизанъ пулями, но только одна легко ранила одного изъ бандитовъ въ руку. Слишкомъ высоко былъ взятъ прицѣлъ

— Бросьте револьверы и доставайте изъ подъ сидѣнья карабины, закричалъ хрипло Джекъ, а ты перевяжи ему руку, обратился онъ къ Игорю.

Игорь понималъ, что еще одинъ такой залпъ, но чуть пониже и ихъ общая гибель неизбежна, выстрѣлы же бандитовъ не могли причинить противнику никакого вреда, такъ какъ все, даже колеса, было защищено броней. Только благодаря увертливости Кука, дѣлавшаго головоломные виражи, болѣе сильная полицейская машина еще не догнала ихъ.

— Дайте мнѣ карабинъ, сказалъ Игорь перевязавъ раненаго.

— Тебѣ карабинъ, ишь, что выдумалъ, проворчалъ Джекъ, ты еще мнѣ всадишь пулю въ лобъ.

— Дайте мнѣ карабинъ и я остановлю ихъ машину, а если бы я хотѣлъ пристрѣлить тебя, то поднялъ бы одинъ изъ брошенныхъ вами револьверовъ.

— Да какъ же ты сможешь остановить ихъ?

— Давай скорѣе, вотъ они уже нагоняють, еще минута и будетъ поздно. Въ голосѣ Игоря было столько энергіи, что Джекъ не сопротивлялся, когда онъ почти вырвалъ изъ его рукъ карабинъ. Раздался выстрѣлъ и мѣткая пуля, найдя уязвимое мѣсто, насквозь пробила шину у преслѣдователей; ихъ автомобиль припалъ на одну сторону и врѣзался въ тротуаръ. Еще нѣсколько поворотовъ и Кукъ, умѣряя ходъ машины, спокойно покатилъ по оживленнымъ улицамъ. Удивленію, восторгу и признательности бандитовъ не было границъ. Они прекрасно понимали, что только благодаря Игорю они спаслись отъ вѣрной смерти.

— Ну и молодчина же ты, дружески хлопалъ его по плечу Джекъ; переходи-ка, миляга, къ намъ, такіе парнишки намъ нужны.

— Русь, русски ошень карошъ, нѣжно скалилъ зубы другой.

Даже Кукъ со своего передняго шофферскаго сидѣнья привѣтливо махалъ ему рукой и радостно улыбался. Бандиты доставили Игоря до его квартиры и дружески распрощались съ нимъ, махая въ знакъ привѣта руками, Джекъ шляпой, а раненый своимъ платкомъ со слѣдами крови.

Получивъ свободу, Игорь быстро направился къ себѣ, не замѣчая, что, стоявшій на противоположной сторонѣ улицы, незнакомый ему человѣкъ, проводивъ пристальнымъ взглядомъ удалявшійся автомобиль, перешелъ улицу и послѣдовалъ за нимъ.

Уже вечерѣло, когда Игорь, Запершись въ своей комнатѣ, погрузился въ невеселыя думы. Онъ прекрасно зналъ силу бандитовъ и чувствовалъ теперь себя нѣволью связаннымъ съ ними. Не исполнять ихъ приказаній, обратиться къ полиціи, но развѣ сможетъ она защитить его. А Мери, что подумала она, когда онъ не пришелъ въ назначенный часъ, часъ, который долженъ

былъ рѣшить ихъ судьбу. Да и смѣетъ ли онъ, при те- перешнихъ обстоятельствахъ думать о ней. Тяжелыя ду- мы угнетали его и онъ терялся не зная, что предпри- нять. Только благодаря сильной усталости отъ всего пере- житаго онъ наконецъ забылся тревожнымъ сномъ. Однако, сонъ его не былъ продолжительнымъ. Сильный стукъ заставилъ его вскочить съ кровати и, когда онъ открылъ дверь, то опять увидѣлъ противъ себя эти ма- ленькія черныя отверстія, изъ которыхъ вылетаетъ смерть, и повелительный голосъ произнесъ: «Руки вверхъ! Именемъ закона я васъ арестую». Щелкнули наручники и его подъ конвоемъ увели изъ комнаты. Остатокъ ночи Игорь провелъ въ грязной тѣсной ка- мерѣ, и только утромъ его повели къ допросу.

— Васъ видѣли въ автомобилѣ бандитовъ, за ко- торымъ гналась полиція. Затѣмъ въ немъ же васъ при- везли домой, гдѣ вы дружески простились съ ними. Отвѣчайте, давно ли и въ какой связи вы состоите съ этой шайкой и вообще, что вы можете сказать въ свое оправданіе.

— Оправдываться мнѣ не въ чѣмъ. Я не бандитъ, а напротивъ былъ ими вчера утромъ похищенъ, такъ какъ они приняли меня за другое лицо и повезли къ своему начальнику. Когда ошибка выяснилась, меня рѣ- шили отвезти обратно. Въ дорогѣ, дѣйствительно, встрѣ- тился полицейскій автомобиль и открылъ стрѣльбу, при- чемъ ранилъ одного изъ бандитовъ въ руку и мнѣ при- казали перевязать его. Затѣмъ бандитамъ удалось ус- кользнуть и они высадили меня у моей квартиры.

— Ну, а дружескія рукопожатія, маханія платками и шляпами. Неужели за столь короткое время у васъ могли возникнуть такія пріятельскія отношенія, да еще съ лицами совершившими, по вашимъ словамъ, надъ ва- ми насиліе.

— Я уже вамъ сказалъ, что подалъ помощь ране-

ному. Кромѣ того, я не оказывалъ имъ никакого сопротивленія, и они чувствовали себя виноватыми передо мной.

— Гдѣ живетъ ихъ начальникъ?

— Не знаю. Меня туда и обратно везли съ завязанными глазами и только незадолго до столкновенія съ полиціей сняли повязку.

— Малоправдоподобно. Знаете ли вы, за кого же васъ приняли.

— Да, въ это утро я сбрилъ усы и, къ сожалѣнію, сталъ похожъ на одного изъ агентовъ полиціи, по крайней мѣрѣ я такъ предполагаю.

— Почему?

— Потому, что они называли меня «проклятой ищейкой».

— Такъ-съ! А почему вы именно въ это утро сбрили усы?

Игорь покраснѣлъ какъ ракъ.

— Потому... потому, что мнѣ такъ вздумалось.

— Можете еще что-нибудь добавить?

— Нѣтъ... Впрочемъ могу. Этого агента они на своемъ жаргонѣ называли Акулой, а разницу между мной и имъ они нашли въ томъ, что у меня глаза сѣрые, а у него каріе.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Подпишите ваше показаніе.

— Я свободенъ?

— Ну, не такъ скоро. Нужно провѣрить все вами сказанное, навести справки. Вообще ваши объясненія довольно слабы и маловѣроятны. Уведите арестанта!

Больше его не допрашивали, но освободили только черезъ недѣлю, «за неимѣніемъ уликъ», снявъ предварительно отпечатокъ большого пальца и фотографію и сдѣлавъ еще какія-то измѣренія.

Не успѣлъ онъ вернуться домой, какъ содержательница пансіона, въ которомъ онъ жилъ, попросила его возможно скорѣе освободить занимаемую имъ комнату, такъ какъ другіе жильцы очень встревожены появленіемъ въ ея, такомъ приличномъ, домѣ полиціи, обыскомъ, допросами и прочими ужасами, хотя лично она и дала о немъ благопріятный отзывъ.

— Знаете, если вы дѣйствительно принадлежите къ этому обществу, то я лучше согласна платить небольшую опредѣленную сумму, чтобы только не беспокоили меня и моихъ жильцовъ, добавила она съ заискивающей улыбкой.

Съ тяжелымъ сердцемъ отправился Игорь на службу. Какъ объяснить онъ свое долгое отсутствіе. Повѣрятъ ли его невѣроятной исторіи. Однако объяснять ему ничего не пришлось, такъ какъ его тотъ часъ же позвали къ директору.

— Вы, конечно, понимаете, холодно началъ тотъ, что послѣ всего происшедшаго, вашего ареста и прочихъ сказочныхъ, можно сказать, даже фантастическихъ приключеній, о которыхъ мы достаточно осведомлены, вы не можете продолжать у насъ службу. Въ кассѣ вы получите впередъ свое трехмѣсячное жалованіе. А затѣмъ, тонъ его сдѣлался любезнымъ, скажу вамъ вполнѣ конфиденціально, мы готовы уплачивать вашему обществу извѣстную сумму подъ условіемъ, чтобы насъ не тревожили. Нѣтъ, нѣтъ ничего не возражайте, до свиданія.

Игорь горько усмѣхнулся и вышелъ изъ кабинета. Хорошо хоть то, что теперь бандиты не могутъ требовать отъ него никакихъ свѣдѣній. Боже мой, что-то ждетъ его у Мери.

Въ роковой для Игоря день Мери проснулась и встала поздно, съ тревогой ожидая назначеннаго часа,

когда должно было произойти объясненіе съ Игоремъ. Что ей отвѣтить ему? Любитъ ли она его, или онъ только нравится ей, какъ старый близкій знакомый, почти другъ дѣтства.

Мери не была современной дѣвушкой. Все свое дѣтство до девяти лѣтъ, вплоть до бѣгства изъ Россіи, она провела въ имѣніи своихъ родителей. Она и сейчасъ помнитъ и старый барскій домъ съ прадедовской мебелью, и задумчивый чудный садъ съ лабиринтомъ тѣнистыхъ переплетающихся широкихъ аллей и чуть протоптанныхъ дорожекъ, съ тихой зеркальной гладью пруда обсаженнаго высокими тополями. Помнитъ и просторъ безконечныхъ полей, и зеленое море нивъ, и степь съ высокой душистой травой, гдѣ она набирала полныя руки простыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Вспоминаетъ она и свою няню Ивановну, которая рассказывала ей такія страшныя и вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя сказки, и кучера Родіона, который иногда снисходительно бралъ барышню на козла коляски и давалъ ей одну вожжу отъ правой пристяжной. Воспоминаніе чего-то необъятнаго величаваго и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогого принесла она изъ родины въ чуждую ей страну. Пусть этотъ задумчивый паркъ уже вырубленъ до послѣдняго куста; пусть ласковая Ивановна, послѣ ихъ отъѣзда, носясь какъ фурія, поджигала со всѣхъ концовъ домъ, а снисходительный Родіонъ порѣзалъ всѣхъ выѣздныхъ лошадей; — она ничего этого не знала и всегда вспоминала о нихъ съ теплымъ чувствомъ. Вся грязь, вся кровь, весь ужасъ революціи прошли мимо нея не задѣвъ и не поранивъ ея душу горечью разочарованія и злобы. И это было для нея лучше, такъ какъ, думая о родинѣ, она не представляла ее себѣ истерзанной и окровавленной, а такой, какой помнила съ дѣтства: ласковой, спокойной, величественной.

Подростая, она зачитывалась Пушкинымъ, Лермон-

товымъ, Толстымъ, Тургеневымъ. Съ ними она жила той жизнью, которой уже не было и которую не вернуть; и не удивительно, что изъ нея вышла тихая и задумчивая мечтательница, милая и простая чуть-чуть наивная и совершенно непригодная къ жизни.

Что мнѣ сказать Игорю, волновалась она, вѣдь это въ первый разъ я не то что люблю, а не знаю люблю или нѣтъ. Вотъ я знаю, что маму, Мишу, Аню я люблю, а къ Игорю у меня не такое чувство. Нужно еще поговорить съ Аней.

Аня ея подруга пришла только къ вечеру, а Игоря все еще не было. Аня была полной противоположностью Мери. Стройная, ловкая, сильная, страстная спортсменка, она любила суету жизни, общество, блескъ.

— Ты спрашиваешь, нравится ли мнѣ Игорь. Какъ тебѣ сказать. Ты знаешь мой вкусъ. Я требую отъ мужчины чего-нибудь необыкновеннаго. Наружность не важна. Такъ пріѣлись всѣ эти прилизанные патроны и ихъ клерки, всѣ эти скучные дѣльцы, адвокаты, доктора, инженеры, все это шаблонъ. Мужчина, если онъ не обладаетъ какими либо выдающимися способностями или талантами, долженъ быть хотя бы какимъ-нибудь чемпиономъ. Хотъ самымъ плохимъ. У Игоря есть только одинъ плюсъ, онъ дѣйствительно шикарно стрѣляетъ.

— Аня, ты неисправимая спортсменка.

— Не въ спортѣ дѣло, милая, а въ томъ, что ищешь чего-нибудь оригинальнаго, такъ надоѣло все обыденное. Вотъ возьми на примѣръ твоего кузена Мишу. Онъ оригиналенъ. Нигдѣ не служитъ, ничего не дѣлаетъ. Живетъ только игрою. Играетъ онъ безукоризненно често, но онъ такъ тонко изучилъ всѣ игры, такъ хорошо постигъ психологію игроковъ, что почти всегда выигрываетъ. Правда, иногда онъ въ одну ночь спускаетъ все,